

НАРЕЧНАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СОЦИАЛЬНОГО ВАРЬИРОВАНИЯ

В статье раскрываются понятия «частная наречная система» и «элементарная наречная система», определяется состав частных наречных систем современного русского языка. Наиболее существенные семантические и структурные различия имеют общерусский, диалектный и сленговый варианты наречной системы. Их сопоставительный анализ может составить основу интегративного описания адвербиальной системы русского языка.

L. Savolova

THE ADVERB SYSTEM OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE IN THE ASPECT OF FUNCTIONAL AND SOCIAL VARIATION

The author of the article discusses the concepts of a private adverb system and an elementary adverb system and determines the structure of private adverb systems of Russian. The most important semantic and structural differences are among general Russian, dialect and slang variants of the adverb system. Their comparative analysis may form a base for an integrative description of the adverb system of the Russian language.

Наречие, отграничиваемое от других неизменяемых знаменательных слов, является одной из кардинальных частей речи, не

перекрещивающейся по своим конститутивным морфологическим признакам ни с именем, ни с глаголом, в отличие от неко-

торых других лексико-грамматических классов слов, выделяемых в самостоятельные части речи (местоимение, категория состояния, предикатив). В качестве объекта научного исследования наречие представляет интерес и как часть речи, и как составная часть лексико-семантической системы, и как синтаксическая категория. В целостном описании нуждаются системно-семантические связи наречий и условия их реализации.

Современная система русского наречия является результатом многовекового развития языка. Процесс формирования класса наречий продолжается и в настоящее время. Своего рода переломным этапом в развитии наречной системы русского языка является вторая пол. XIX в.: «с 70-х годов XIX в. адвербиальная сфера, функционировавшая на началах свободного варьирования, подвергается кардинальным преобразованиям» и в результате различных процессов семантической и функциональной дифференциации превращается «в высокоорганизованную систему»¹.

Лексический состав современного русского наречия весьма внушителен в количественном отношении. Подсчитано, к примеру, что в БАС включено свыше 5,5 тыс. наречий². При формировании материальной базы собственного исследования для общерусского языка мы составили словарь наречий, включающий около 10 тыс. единиц. Если учесть нелитературные формы существования русского языка, эти цифры заметно возрастут, прежде всего за счет территориальных диалектов. В частности, в «Обратном словаре архангельских говоров», на которые приходится только часть диалектного пространства русского языка, отмечено 13840 наречий³.

К настоящему времени лингвистикой накоплены ценные и разносторонние знания о структурно-семантических типах и отдельных классах наречий, их аспектуальной значимости, о системных семантических связях и фразовых функциях наречных лексем, о роли адвербиальной лексики в

актуализации особенностей мировидения человека, о некоторых инновационных элементах в наречной системе. При этом научное описание русского наречия в синхронном аспекте, как правило, ограничивается литературной или диалектной речью, а социальные варианты языка изучены в гораздо меньшей степени.

Накопленный материал, с одной стороны, требует обобщения и сопоставления, с другой стороны, ставит задачу поиска оптимальных путей интегративного описания системы наречий русского языка с учетом его функционально-социальной дифференциации и специфики не только грамматических, но и прагмасемантических свойств наречной лексики.

Наречная система русского языка может быть спроецирована на его функционально-социальную парадигму и представлена как множество частных реализаций в различных вариантах национального языка.

Идиомы, составляющие национальный язык, находятся в отношении варьирования того или иного типа — оно обусловлено внутриязыковыми и экстралингвистическими причинами и представлено национально-территориальными разновидностями языка и более мелкими единицами членения⁴. Научная проблематика, связанная с изучением функционально-социальной стратификации языка, чрезвычайно обширна. Структура и членение национального языка не являются ни жесткими, ни неизменными, поскольку существуют переходные зоны, возможна взаимопроницаемость подсистем, а функционально-социальный статус и устройство литературного языка, диалекта и других вариантов языка исторически обусловлены⁵. Объективной многомерностью, гибкостью, подвижностью противопоставления вариантов языка обуславливается возможность моделирования различных его функционально-социальных парадигм. Высоко релевантными для выявления объективного членения языка являются факторы экстралингвистического порядка: «проблемы типоло-

гии внутреннего, функционального членения языка и типологии языковых ситуаций тесно связаны с проблемами типологии внеязыковых ситуаций, типологии культуры, культурных ареалов»⁶. В лингвокультурном измерении это может быть выражено посредством установления различий в концептуальной значимости языковых единиц в различных условиях их функционирования.

Для решения задач интегративного описания языка и его единиц актуальным в свете современных парадигм научного знания является целостное описание различных вариантов реализации языка, осуществляемое на единых основаниях⁷. Охватить все без исключения сферы функционирования языка при этом чрезвычайно сложно, что усугубляется отсутствием строгой определенности в их разграничении. Примерами научного воплощения такого рода суммарного, интегративного подхода к описанию участков системы русского языка могут служить монографические исследования Т. Н. Колокольцевой, осуществившей систематический анализ специфических коммуникативных единиц диалогической речи в трех функциональных сферах русского языка – разговорной, художественной и публицистической⁸, Р. И. Розиной, исследовавшей модели семантической деривации глаголов движения и обладания в русском литературном языке и сленге⁹.

Полагаем, что комплексное описание единиц наречной системы в аспекте их семантики и прагматики требует учета формы и условий общения, а значит, выводит на проблему функционально-социального варьирования адвербиальной системы русского языка.

Для обозначения варианта реализации языка в тех или иных социокультурных условиях на синхронном срезе методически удобно использовать термин *частная система*, давая ему функциональную трактовку, отличную от структуралистской. Так, Н. С. Трубецкой, противопоставляя язык

и речь, считал возможным представлять язык как множество частных систем. Под частной системой языка понимается при этом тот или иной его уровень (страта, подсистема): «грамматические категории образуют грамматическую систему, семантические категории – различного рода семантические системы»¹⁰, т. е. имеется в виду многоуровневое устройство языка. Если же определять язык как систему частных систем в функциональном плане, то под частной системой будет пониматься вариант общеязыковой системы, который какими-то элементами совпадает с другими вариантами, а какими-то отличается от них. Основателем и идеологом такого подхода к описанию территориальных вариантов русского языка является Р. И. Аванесов. В диалектологии научно разработанным и методологически значимым для исследований является понятие *частной диалектной системы*, которая рассматривается как территориально определенный вариант диалектного языка. В нашей работе термин *частная система* экстраполируется в область научного представления наречия как множества функционально обусловленных вариантов.

Под *частной наречной системой* (ЧНС), таким образом, понимается функциональный (социальный, территориальный, стилистический, индивидуальный) вариант актуализации наречной системы национального языка. Соответственно, наречная система русского языка в целом может быть представлена как множество ЧНС. Определение «частная» в составе термина ЧНС передает относительный (реляционный) характер выделения системы, что делает термин гибким и применимым к различным по степени отвлеченности разновидностям языка (и его наречной подсистемы) в аспекте сложных иерархических внутриязыковых отношений. Так, система литературного наречия является частной по отношению к наречной системе национального русского языка и в то же время общей (макросистемой) по отношению к систе-

мам книжно-литературного и разговорно-литературного наречий и т. д. Иначе говоря, ЧНС может представлять собой иерархическое множество элементарных наречных систем, а может совпадать по своим границам с одной элементарной наречной системой.

Элементарной является минимальная по границам своего варьирования, реально функционирующая в условиях конкретного идиома или идиолекта наречная система. Элементарность наречной системы может задаваться различными параметрами, например: 1) лингвогеографической ограниченностью и общностью территории распространения (наречная система говора); 2) минимальным количеством носителей языка (идиолектная наречная система); 3) минимальным количеством форм речевой реализации (система наречий какого-либо речевого жанра); возможно также социальными характеристиками: 4) возрастными ограничениями; 5) профессиональными ограничениями (например, система наречий в специальной музыкально-ведческой речи) и т. д.

Таким образом, предельными вариантами ЧНС в рамках национального русского языка будут следующие: а) минимально-элементарная наречная система; б) максимально-наречная система той или иной «формы существования языка» (литературного языка, просторечия, сленга, территориальных диалектов и др.).

Целостное описание наречной системы русского языка может иметь своим объектом ту или иную совокупность ЧНС, выделяемую по какому-либо единому основанию — это может быть совокупность элементарных ЧНС, или совокупность ЧНС «среднего звена», или совокупность ЧНС разных форм существования языка. Причем возможны разные векторы описания: оно может быть сориентировано не только на функционально-социальную парадигму языка, но и на типы речевых культур, на типы языковых личностей, на типы дискурсов.

В общем виде один из возможных вариантов определения состава ЧНС современного русского языка может быть представлен следующим образом. В границах общерусского языка выделяются частные наречные системы литературного языка и просторечия, они противопоставлены частным наречным системам социолектов и территориальных диалектов. Кроме того, частные реализации системы русского наречия представлены такими особыми образованиями переходного типа, как полудиалекты, региолекты, язык русского зарубежья, ксенолекты, естественная письменная речь, детская речь. Данные ЧНС подвергаются дальнейшей дифференциации с функционально-стилистической точки зрения, могут быть выделены гендерные и индивидуальные варианты ЧНС. Многоуровневость и разнонаправленность иерархического моделирования русского этноязыка, а значит, и его наречной подсистемы выражается также в координатах *стандарт — субстандарт — нонстандарт*, что «дает возможность дифференцировать языковые разновидности по горизонтали и вертикали и выделить верхние и нижние полюсы»¹¹. Особое измерение представляет собой противопоставление художественной и нехудожественной речи. Все это обеспечивает возможность разных подходов к определению объекта исследования при описании уровней и характера варьирования наречной системы русского языка.

Ядро наречной системы образует общерусская ЧНС, относящаяся к общеупотребительному варианту русского языка, основу которого составляют единицы литературного языка, а на периферии находятся некоторые просторечные элементы (например, *втихаря, маленько, по-быстрому, по-нашенски*). Функционально эта система противопоставлена прежде всего социолектам и территориальным диалектам. Поэтому основой интегративного описания адвербиальной системы русского языка может служить сопоставительный анализ общерусской, диалектной и сленговой ча-

стных наречных систем, базирующийся на единых исследовательских принципах. Анализ ЧНС в их современном состоянии с точки зрения состава единиц, их системно-семасиологических связей, словообразовательно-семантических и функционально-семантических свойств позволяет установить системообразующие признаки и факторы, обуславливающие различие функциональных вариантов адвербиальной системы русского языка.

Рассмотрим в качестве одного из примеров диалектного и сленгового варьирования адвербиальной системы русского языка циркуфиксальные наречия на *по-*. В общерусском языке ядро данной подсистемы адвербиативов составляют единицы, образованные от относительных прилагательных, мотивированных существительными (*по-российски, по-боксерски, по-зимнему, по-медвежьи* и т. д.). Такого рода производные, образованные по моделям синтаксической деривации, характеризуются высокой продуктивностью. В качестве исходно мотивирующих выступают слова разных семантических классов, при этом практически не ограничен круг основ для производства наречий среди единиц, называющих животное, а также лицо по национально-этническому признаку, месту проживания/нахождения и роду занятий. Заметное ограничение продуктивности наблюдается в образовании наречий от номинаций лица по признаку родственных отношений (*по-отцовски, по-братски*). Всего в рамках данного типа производных представлено четыре формальные модели: *по-...-ому / -ему, по-...-(ск)и, по-...-(ж)и, по-...-и*. Последняя не продуктивна — в качестве производящих выступает замкнутый ряд неизменяемых притяжательных местоимений (*по-его, по-ее, по-их*). Особую группу составляют производные от качественных имен прилагательных со значением 'в соответствии с тем признаком, который назван производящей основой': *по-доброму, по-особенному, по-хорошему*. В основном эти наречия образуются с помощью цир-

кумфикса *по-...-ому/ему*, но возможно оформление по модели *по-...-и (по-дурачки)*. Их использование более типично для разговорной речи и просторечия.

В сельских говорах продуктивность типа в целом сохраняется, но имеет свои особенности. Модель *по-...-ø* часто поглощается более продуктивной *по-...-ому / -ему*, круг производящих основ расширяется за счет морфологических вариантов местоимений (примеры здесь и далее из архангельских говоров): *по-егонному, по-егоему, по-еговому, по-ейному, по-нейному, по-ихому, по-нихному, по-ихному*. Конечные элементы *-ому / -ему*, находящиеся в отношениях дополнительной дистрибуции в общерусской ЧНС, в диалекте могут свободно варьироваться (*по-ихнему и по-ихному; по-культурному и по-культурному; по-летнему и по-летному; по-ранешнему и по-раношному*). Еще один фонетический вариант конечного элемента возникает в результате стяжения (*по-свому, по-твоему*). Образование по модели *по-...-ому* проникает и в область *-ск* основ: в «Обратном словаре архангельских говоров», например, отмечены: *по-онежскому, по-пекарскому, по-старинскому, по-русскому* и др.¹² Еще Ф. И. Буслаев, описывая наречия на *-ски*, замечал: «В старинном и народном языке такие наречия полагаются и в дат. падеже по требованию предлога *по-*; напр. <...> “выучи меня *по-французскому*”, “*по-русскому* не умѣю, а все понѣмецки”»¹³. Кроме того, в говорах значительно расширен круг качественных прилагательных, включенных в образование циркуфиксальных наречий: *по-белому, по-благодарному, по-голодному, по-дорогому, по-ладному, по-полному, по-прямому, по-твердому, по-трудному* и т. д. Все это обуславливает более высокую значимость *по-*образований на *-ому/-ему* в системе диалектного наречия по сравнению с общерусским языком. В то же время модель *по-...-(ск)и* лексически представлена достаточно разнообразно: *по-поповски, по-пароходски, по-самосудски, по-всяколюдски, по-подружески, по-дурачески, по-молодечески* и др. Примечательно,

что в некоторых случаях эта модель конкурирует с более продуктивной для диалекта: *по-интеллигентски* (ср. *по-интеллигентному*), *по-старински* (ср. *по-старинному*).

В сленге, в отличие от общеупотребительного варианта языка и территориальных диалектов, образование циркумфиксальных отадъективных наречий не является высокопродуктивным¹⁴. С одной стороны, в сленговых наречиях такого типа отражаются общерусские закономерности словообразования и функционирования: они мотивируются относительными прилагательными (*по-бомжатски*, *по-гоповски*), качественными прилагательными (*по-бырому* ‘быстро’, *по-зеленому* ‘хорошо’, *по-тупому* ‘неразумно, нерационально’), местоименными прилагательными (*по-любому* ‘в любом случае, как бы ни сложились обстоятельства’). С другой стороны, конечный компонент форманта *по-...-ому* в сленге имеет изофункциональное соответствие *-ой* (*по новой* ‘снова’). Отчасти лексическая ослабленность циркумфиксальных моделей компенсируется за счет отсубстантивных или псевдо-отсубстантивных вариантов *по*-образований: *по серьезке* (ср. *по-серьезному*), *по чесноку* (ср. *по-честному*), *по приколу* (ср. *по-прикольному*).

Подводя итог краткому описанию одного из участков адвербиальной системы, следует отметить, что из четырех общерусских моделей наречного циркумфиксального

производства (*по-...-ому* / *-ему*, *по-...-(ск)и*, *по-...-(j)и*, *по-...-ø*) для территориальных диалектов актуальны первые три, для сленга — первые две. Устройство подсистемы циркумфиксальных наречий варьируется в области продуктивности моделей (что приводит к смещениям в отношениях ядра и периферии в различных ЧНС), морфологических вариантов моделей словопроизводства, дистрибуции конечных элементов циркумфикса. Варьирование морфологической структуры наречий детерминировано грамматическими свойствами имени и местоимения в нелитературных формах существования языка. Внутриразрядная семантика наречий и их мотиваторов, которая осталась за рамками нашего описания, тоже имеет отличия в рассматриваемых вариантах наречной системы. Наблюдения показывают также, что относительные адъективы наиболее активно включаются в производство характеристикаторов признака (действия, состояния) в общерусском языке.

Таким образом, в силу того, что адвербиальная система может быть представлена как совокупность частных наречных систем, одно из направлений ее целостного описания заключается в анализе элементов данных систем на единых основаниях как составляющих единой макросистемы с постоянными и варьируемыми звеньями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пеньковский А. Б. Очерки по русской семантике. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — С. 288–289.

² Евтюхин В. Б. обстоятельственные наречия в современном русском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. — Л., 1979. — С. 5.

³ Обратный словарь архангельских говоров / Под ред. О. Г. Гецовой. — М.: Наука, 2006. — С. 4.

⁴ См. например: Бабенко Н. С., Володарская Э. Ф., Кириленко Е. И., Крючкова Т. Б., Селиверстова О. Н., Семенюк Н. Н. К теории вариантности: современное состояние и некоторые перспективы изучения // Вопросы филологии. — 2000. — № 2 (5). — С. 11.

⁵ Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. — М.: Языки славянской культуры, 2003; Толстой Н. И. Славянские литературные языки и их отношение к другим языковым идиомам (стратам) (Опыт сравнительного рассмотрения) // Функциональная стратификация языка. — М.: Наука, 1985. —

С. 13; Шапошников В. Н. О территориальной и функциональной структуре русского языка к концу XX столетия // Вопросы языкознания. — 1999. — № 2. — С. 50 и др.

⁶ Толстой Н. И. Славянские литературные языки и их отношение к другим языковым идиомам (стратам) (Опыт сравнительного рассмотрения) // Функциональная стратификация языка. — М.: Наука, 1985. — С. 10.

⁷ Гольдин В. Е. Внутренняя типология русской речи и строение русистики // Русский язык сегодня: Сборник статей. — Вып. 1. — М.: Азбуковник, 2000. — С. 53–65.

⁸ Колокольцева Т. Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. — Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2001.

⁹ Розина Р. И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол. — М.: Азбуковник, 2005.

¹⁰ Трубецкой Н. С. Основы фонологии / Пер. с нем. А. А. Холодовича; Под ред. С. Д. Кацнельсона; Научная подготовка 2-го изд. Л. А. Касаткина. — М.: Аспект Пресс, 2000. — С. 11.

¹¹ Кёстер-Тома З. Стандарт, субстандарт, нонстандарт // Русистика. — Берлин, 1993. — № 2. — С. 15.

¹² Обратный словарь архангельских говоров / Под ред. О. Г. Гецовой. — М.: Наука, 2006. — С. 328.

¹³ Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. — М.: Учпедгиз, 1959. — С. 156.

¹⁴ Факт ослабления продуктивности циркумфиксальных наречий в сленге подтверждается, в частности, тем, что в словарях они представлены всего несколькими единицами: *по-морскому*, *по-флотски*, *по-черному*, *по-шустрому* (Елистратов В. С. Толковый словарь русского сленга. — М., 2007), *по-братски*, *по-митьковски*, *по-собачьи*, *по-христиански*, *по-черному* (Никитина Т. Г. Молодежный сленг: Толковый словарь. — М., 2004).